

Роман Злотников,
Сергей Мусаниф

ШАНС ДЛЯ НЕУДАЧНИКОВ

T8 RUGRAM

УДК 82-312.9
ББК 83.3(2Рос=Рус)
3-68

Миры Романа Злотникова

Злотников, Р.В.

З-68 Шанс для неудачников/ Р.В. Злотников, С.С. Мусаниф – М. : Т8
Издательские технологии / RUGRAM. – 318 с. – (Вселенная неудач-
ников).

ISBN 978-5-519-66256-7

Генерал Визерс добился своего. Все участники трехсторон-
него конфликта потеряли большую часть космических флотов и
лишились возможности вести звёздные войны. Генерал Визерс
проиграл. Гегемония скаари не только первой оправилась от на-
несенного им удара, но и обрела то, что ей доставало во все вре-
мена – единого лидера. Ящеры были во Вселенной Неудачников
первыми, и они могут остаться в ней последними. Круг вот-вот
замкнется. И всё же у Империи и остатков Альянса остался по-
следний шанс...

УДК 82-312.9
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FLC
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-519-66256-7

© Роман Злотников, 2011
© Т8 RUGRAM, оформление, 2018

ПРОЛОГ

На горизонте красный диск солнца тонул в темных водах океана.

Волны накатывали на берег. Из соседнего домика доносились звуки легкой джазовой музыки. Чуть поодаль компания молодых людей играла в пляжный волейбол, лениво перебрасывая мяч через еле натянутую сетку.

Со стороны океана дул прохладный бриз, принося облегчение перегретому за день побережью.

Я сидел в шезлонге, курил сигару и очень старательно ни о чем не думал. В частности, я не думал о том, что уже на следующей неделе мне придется возвращаться в Москву, где у меня нет ни жилья, ни работы, и перспективы обзавестись хотя бы чем-то из перечисленного весьма туманны.

Кроме того, возвращение в Москву означало, что мое приключение закончилось, даже не успев толком начаться. Полторы недели блужданий по девственным джунглям Белиза закончились весьма предсказуемым пшиком. Наверное, глупо с моей стороны было рассчитывать на успех там, где успели обломать зубы лучшие разведки мира.

Дядя Том, первый из конкурентов, встреченный нами по возвращении и сразу прочитавший итог экспеди-

ции по выражениям наших лиц, довольно скалил зубы, обещал поставить нам дармовую выпивку и всего раз помянул свой любимый авианосец на рейде. Израильский «энтомолог», на которого мы наткнулись чуть позже, халявной выпивки не обещал, зато попытался обнадежить нас соображением, что «когда-нибудь кому-нибудь обязательно повезет, и тогда мы всё узнаем, хотя, вполне возможно, к тому моменту все мы уже будем на пенсии и узнавать всё придется из телевизора и газет», и даже местные полицейские смотрели на нас с изрядной долей сочувствия.

— Холодное пиво, — объявил Холден, появляясь на пороге своего бунгало. В подтверждение своих слов он слегка позвенел бутылками. — У меня на льду стоит бутылка шампанского, но мне почему-то кажется, что при нынешнем раскладе мы его не заслужили.

— Ты прав, — сказал я. — Будем пить пиво.

Холден передал мне бутылку и плюхнулся в соседний шезлонг. На британском агенте были линялые шорты и мятая цветастая рубаша, которую я ни разу не видел на нем застегнутой.

— Я дал себе слово, что когда-нибудь откупорю эту бутылку шампанского, — сказал Холден. — В крайнем случае я откупорю ее, когда меня отзовут в Лондон и выдадут новое назначение в какое-нибудь долбаное Сомали, где агенту моего класса и вовсе нечего делать.

— Там пираты, — напомнил я.

— Это они в море пираты. Но в море и без меня есть люди, которые с переменным успехом им противостоят, — ответил Холден. — А на берегу эти пираты — мирные рыбаки с метровыми мачете, которыми они отрежут голову любому белому, подошедшему к ним слишком близко.

— Зачем мирным рыбакам метровые мачете?

— Чтобы разделять рыбу и при случае отрезать головы идейным противникам, — пояснил Холден. — На-

до признать, Джеймса Бонда из меня не получилось. Пора всерьез задуматься о новой карьере.

Я свернул пробку на своей бутылке и глотнул пива. Холодное.

— Я думаю, осталось совсем немного времени, а потом эту тему отдадут американцам, — продолжал Холден. — Пусть они подгоняют сюда свой авианосец, разворачивают полномасштабную боевую операцию, вырубают джунгли... да пусть они хоть напалмом их залиют. Я хочу оказаться как можно дальше отсюда, когда они начнут свои обычные пляски вокруг «восстановления демократии» и «поисков оружия массового поражения».

— Они еще из Ирака не вылезли, да и с Афганистаном до конца ничего не понятно.

— Полагаешь, дядя Сэм с дядей Томом не потянут войну на трех направлениях?

— С кем тут воевать? С индейцами?

— А почему нет? Это было бы символично, — заявил Холден. — Американский спецназ против древнего пророчества майя, сулящего всему человечеству скорую и неотвратимую гибель. Они еще потом десяток блокбастеров на эту тему снимут.

— Не любишь ты дядю Тома.

— Он меня достал, — сказал Холден. — Ходит с самодовольным видом и ведет себя так, будто это его страна.

— У него авианосец на рейде, — напомнил я.

— А у вас — подводная лодка в заливе.

— Да? — удивился я.

— По крайней мере, рыбаки жалуются, что из-под воды доносятся звуки балалайки и короткие, но очень эмоциональные команды на незнакомом языке.

— Откуда им знать, как звучит балалайка?

— Понятия не имею, — пожал плечами Холден. — Но говорят они об этом весьма уверенно.

Я глотнул пива и затянулся сигарой.

Что-то в происходящем казалось мне неправильным, но я пока не мог понять, что именно. Белиз, джунгли,

Холден, холодное пиво, кубинская сигара, закат, бриз... Все это вполне могло бы иметь место в действительности, но в списке явно присутствовали лишние элементы.

Пиво, сигара и закат в схему вписывались...

— Что-то не так, — сказал я Холдену.

— Про рыбаков я приврал, — согласился он. — Но чья-то подводная лодка в заливе точно есть. Если не ваша, то китайская.

— Я не об этом.

— А о чем?

— О ситуации в целом.

— Это верно, — кивнул Холден. — В целом в ситуации что-то не так.

— Может быть, ты даже скажешь, что именно?

— Нет, — мотнул головой он.

— Почему?

— Ты должен это сам понять. Мне ты не поверишь.

— Ты, я смотрю, тоже доволен собой.

— Не без этого. Тебя раздражает мое самодовольство?

— Немного, — признал я. — Тянет слегка подрихтовать тебе челюсть.

— Опять?

— Разве я когда-то это уже делал?

Он ухмыльнулся, и тогда я понял, что именно мне казалось неправильным. Джунгли, океан и закат были на месте. Двумя лишними элементами, которые не вписывались в эту идиллическую картину, были мы с Холденом. Я вспомнил, когда и при каких обстоятельствах я уже пытался подрихтовать ему челюсть, а вспомнив это, вспомнил и все остальное.

Холден просто не мог любоваться закатом и пить пиво на веранде своего бунгало в Белизе, потому что он был мертв.

А поскольку я и сам был недалеко от этого состояния, меня тут тоже быть не должно.

— Вижу, ты начинаешь вспоминать, — констатировал Холден.

— Ты умер на Веннту, — сказал я. — Сгорел из-за того, что мы не смогли найти для тебя скафандра с герметичным шлемом.

— Как ты понимаешь, любви к скаари мне это не прибавило, — хмыкнул он. — А где сейчас ты?

— Должен лежать в криостазисе на «Одиссее», — сказал я. — Сейчас и еще примерно двести пятьдесят лет, если нам повезет.

— Вам не повезет.

— Это угроза?

— Это предположение, основанное на моем знании жизни, — сказал он.

— Но если я сейчас физически нахожусь на «Одиссее», а ты и вовсе мертв, то как мы...

— Неверный вопрос, — покачал головой Холден. — Главное, не как мы с тобой беседуем. Главное — где.

— И где же?

— В твоей голове, — объявил агент.

— То есть ты мне снишься?

— Типа того, — ухмыльнулся он. — Я же мертв, где я еще могу с тобой побеседовать?

— Визерс говорил, что во время криостазиса сны не снятся.

— Ну, это ж не первая аномалия, к которой ты причастен, — напомнил Холден.

— Но почему ты? Почему из великого множества хранящихся в моем мозгу образов подсознание выбрало именно тебя?

— Из-за комплекса вины, я полагаю, — сказал он. — Ты завалил дело.

— Мы были бессильны, — заспорил я. — Визерс включил свое устройство еще до того, как ты нам о нем рассказал.

— Похоже, что твое подсознание это оправдание не устраивает.

— Возможно, — согласился я. — А почему именно Белиз?

— Земля, — сказал Холден. — Твоя родная планета и последнее место на ней, где было тихо и спокойно.

— Раз уж мы оба здесь, ответь на один вопрос...

— Кто я?

— Да.

Он покачал головой:

— Не могу. Я — всего лишь плод твоего подсознания, и я знаю только то, что известно тебе. А ты понятия не имеешь, кто я такой.

— Сколько времени прошло с начала полета?

— Не знаю.

— Гастингс еще жив?

— Не знаю.

— Похоже, толку от тебя немного.

— Ну, извини. И потом, для покойников должны быть скидки.

— Ты и при жизни обожал недоговаривать.

— Помимо этого у меня были и другие достоинства, — вот уж воистину, сон разума рождает чудовищ.

— Могу ли я подрихтовать воображаемую нижнюю челюсть — порождение моего подсознания?

— Ты можешь попробовать, — кивнул он. — А можешь продолжать пить воображаемое пиво и любоваться закатом. Благо, пиво тут всегда холодное, а закат будет длиться столько, сколько ты захочешь.

— Я все же предпочел бы другую компанию.

— Над этим я не властен, — развел руками Холден. — Но не сомневаюсь, что я — не самое худшее, что тебе могло привидеться. Тебе могли бы сниться скаари и их чертовы танки, например. Едва ли это было бы очень приятно.

— В этом что-то есть, — согласился я.

— Наслаждайся отдыхом, — посоветовал Холден. — Как бы ни повернулась ситуация на «Одиссее», эта передышка вполне может стать последней для всего вашего экипажа.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДИВНЫЙ НОВЫЙ МИР

– Г Л А В А 1 –

Боль.

Визерс не предупреждал, что это будет так больно.

Каждую клеточку моего тела будто бы поджаривали на адском огне. Мне казалось, что моя кровь кипит, глаза вот-вот взорвутся, а мозг уже готов хлынуть из ушей горячей серой массой. Я орал бы во весь голос, но легким не хватало воздуха.

Это было невыносимо. Я попытался потерять сознание и вернуться в Белиз, к Холдену и холодному пиву, но у меня ничего не вышло. Наверное, это было правильно. Из ада не может быть такого легкого выхода.

Чтобы не сойти с ума от боли, я принялся считать, но сбился уже на второй сотне. Тогда я начал напевать все известные мне песенки, и... Не могу сказать, что это сильно помогало, но через какое-то время ад отступил.

Боль все еще присутствовала, но стала терпимой. Перед глазами плыла кровавая пелена, кислород ворвался в легкие живительной струей прохлады, и тогда... тогда я сказал, а точнее, прохрипел все, что у меня накопилось, и сделал это на всех известных мне языках.

Или мне только показалось, что я это сделал.

Тем не менее я довел свою тираду до логического завершения и только после этого потерял сознание.

Во тьме ко мне пришли голоса.

— Это он?

— Да, несомненно. Генетическая карта полностью совпадает.

— Мозг не пострадал?

— Не должен был. Здесь установлено самое совершенное на тот момент оборудование.

— Наше оборудование не тестировалось на людях.

— Они внесли изменения в конструкцию с поправкой на то, что криостазис будет использоваться для людей, и я полагаю, что все будет нормально.

— Полагаете?

— Я — всего лишь корабельный врач, а не криохирург. Я предлагал подождать...

— А еще вы говорили, что оборудование автономно и процедура вообще не требует вашего вмешательства.

— Да, я говорил...

— Тем не менее двое уже мертвы, а один полностью потерял память.

— Вероятность подобного исхода никогда нельзя исключить.

— И тем не менее вы настаиваете, что с этим все будет в порядке?

— Точно я смогу сказать только после того, как он придет в себя.

— Как скоро это случится?

— Судя по показаниям приборов, это уже случилось.

— Да? Но он все еще выглядит как овощ. Эй! Ты меня слышишь?

Вряд ли поблизости находился кто-то еще, к кому мог быть обращен этот вопрос, и я принял его на свой счет.